

В двухкомнатной хрущёвке спального района, пропитанной запахом сигарет, алкоголя и чем-то, что одновременно и манит, и отталкивает, сидели двое.

Одна из них – Елена Премудрая, женщина с пышными формами, с накрученными крашеными волосами, с прищуром постоянно оценивающих глаз, как всегда, расположилась на своем любимом диване – она знала, где покупать крепкие диваны. И ещё много чего познала в свои «под пятьдесят». В посёлке, недалеко от города, жили её дочь и внучка. Вот для кого она теперь старалась, лет семь назад закодировавшись и разведясь с мужем. И преуспела: за несколько лет «стараний» купила дочери дом. Теперь бы обстановку и так, по мелочи.

Рядом, за небольшим круглым столом, сидела Вероника. Тёмные волосы, смуглая кожа и карие глаза говорили о том, что наверняка в ней течёт азиатская кровь. Она была намного моложе Елены Премудрой, но особенности древней профессии – часто тёмные круги под глазами, голос с

хрипотцой и выражение напускной игривости на лице, одутловатом по утрам, – сглаживали эту разницу. У Вероники тоже была дочь, которой приходилось ночевать на съёмной квартире одной. Но ей же скоро двенадцать, она не должна бояться – мама работает в ночную, у мамы такая работа.

Вероника приехала три года назад из деревни. Мать умерла, дом начал разваливаться, а сама Вероника осталась без работы. Отца она не знала, как не знала отца и её дочь. Закрутила с приезжим в семнадцать лет – любовь. Была потом и ещё не одна «любовь»... А сейчас надо было выживать – деньги за проданный дом заканчивались.

Пошла работать на завод – учётчицей. Хорошо, сжалились, без прописки приняли. И вроде работа не тяжёлая, а тоскливо ей было среди серых стен, запаха железа и ещё чего-то беспросветного, въевшегося за многие годы, казалось, в сам воздух завода.

Зарплаты не хватало, и платили её далеко не день в день. Вероника привыкла к вольной жизни в деревне – здесь подработала, там... Да и огород, и хозяйство какое-никакое накормят. Где мать помогала, где возлюбленные...

Отношения с мужчинами были недолгими, а о замужестве и речи не шло: то ли они не видели в ней надежного тыла, то ли она, привыкшая жить без отца, и вообще без мужчины в доме, не надеялась на них.

Монотонные будни сменялись выходными – хотелось хоть их разнообразить. Тут-то и столкнула её судьба с Еленой. Познакомились в кафе. И пошло-поехало.

Вероника, скопив немного денег, попыталась ещё раз «начать новую жизнь», бросить «непыльную работёнку». Пошла в технички в один из торговых центров. В первый же день в подсобке украли кофе. Она сделала себе кофе, поставила чашку на стол и вышла на минутку. Приходит, а кофе выпито. Как будто тот, «чистый и правильный», мир не пускал её, отвергая раз за разом. Смешно, но именно это подтолкнуло её вернуться к Елене.

– Ну, чего киснешь? Опять грусть-тоска накатила? – Елена бурчала по привычке, без раздражения, но и без сочувствия. Но от этого Веронике становилось ещё тоскливее.

– С чего ты взяла? Дай сигарету, мои кончились.

– Возьми, на кухне они, по-моему. Похоже, сегодня отдыхаем.

– Понедельник, что ты хочешь. Хотя по-разному бывает, – ответила пришедшая из кухни Вероника. Прикурила сигарету, закашлялась. – Крепкие твои.

– И спать не хочется. – Елена растянулась на диване. – На следующие выходные к своим поеду. Соскучилась по Алёнке.

Замолчали. Вероника докурила сигарету и пошла в другую комнату, на «свой» диван. Время пять вечера. Ближе к ночи наверняка начнутся звонки. А сейчас и подремать можно. Но грусть-тоска действительно накатила. Вероника вздохнула, укрылась пледом и начала вспоминать. Это помогало. Вспоминала обычно что-то смешное, светлое.

Ей лет пять. Она просыпается в избе. Тепло, пахнет кашей. Мать сидит у окна и смотрит на деревенскую улицу. Солнце начинает светить в глаза. Вероника потягивается и окончательно просыпается, но не подаёт голоса – ей нравится вот так лежать и разглядывать давно изученную небольшую комнату: вон фотографии на стене, а рядом часы тикают, печка ещё не прогорела, потрескивают дрова. Как вкусно пахнет кашей! Вероника сбрасывает с себя одеяло.

Ей лет десять. Они с матерью пошли искать корову Зорьку. Своенравная, зараза, была. Как уйдёт, ищи её потом. Нашли, а с ней телёнок чужой – и не отстаёт. Так и пригнали в деревню. А хозяева не отыскались. Вырастили, и Зорька была не против, даже убежать на поле перестала.

Но самое светлое воспоминание Вероника приберегла напоследок. Под него и засыпала.

Ей двенадцать лет, они с одноклассницей Ленкой лежат, накупавшись до посинения, на песке, греются. Кто же первым тогда из них увидел этого мальчика? Неважно. Но сразу было понятно – городской! Дачник, наверное.

Смешно подпрыгивая на горячем песке, мальчишка разделся и побежал к реке. Плавал он хорошо, вразмашку. Высокий, загорелый, длинные по деревенским меркам волосы.

Вероника невольно засмотрелась. А Ленка стала собираться домой. Вероника тоже приподнялась, но неожиданно для себя самой передумала уходить и осталась лежать.

Мальчишка наконец наплавался и лёг на песок недалеко от Вероники. Она стала украдкой разглядывать его.

Внезапно потемнело. Вероника и не заметила, что солнце давно спряталось. Начался дождь. И почему не ушла с Ленкой, сейчас вымокну, думала Вероника, одеваюсь.

Дождь сначала капал, а потом, примерившись, зачастил.

Одновременно с Вероникой оделся и городской мальчик. И они побежали, не сговариваясь, к растущим возле речки деревьям. Дождь как быстро начался, так же быстро стал терять силу. Но они бежали, что-то крича, прыгая, размахивая руками. И это радостное возбуждение, это нечаянное касание рук волновало, рождало новое, неизведанное и манящее чувство – хотелось бежать ещё и ещё.

Сон оборвал резкий телефонный звонок. Звонила Татьяна – диспетчер, она имела проценты с каждого заказа, она же давала и объявления в газету. Работали без крыши, на свой, как говорится, страх. Иногда клиентов поставлял сутенёр Валя, но ему надо было платить, и немало.

– Да, ждём, – деловито ответила Елена и бросила Веронике: – Клиенты. Танюха говорит, парень заказал два часа – себе и подарок другу. Так что, «подарочек», встряхнись.

Елена Премудрая встала у окна. Квартиру подбирали, чтобы из окна был виден подъезд – рассматривать клиентов. Ненормальных хватает, хотя их уже по голосу и речи определяет диспетчер и отсеивает. Или, бывает, клиент не один приходит – за собой ещё двух-трёх тащит, а так не договаривались. Или пьяный, обдолбанный... Таким не открывают.

Минут через тридцать раздался звонок в дверь. Елена отошла от окна.

– Пришли, касатики, – игриво произнесла она, направляясь к двери.

В квартиру вошли двое парней – один постарше, лет двадцати пяти. Видно, что не в первый раз. Второй, видимо, и есть друг, для которого делается подарок. Этот смущён, держится немного позади.

– А вот и мы, девочки! – нарочито небрежно говорит тот, что постарше, осматривая комнату и «девочек».

Комната приятненькая, вполне себе, а вот «девочки» не очень – старуха и ещё одна с кислой миной. Парни, потоптавшись, переглянулись и повернули назад.

Вероника ушла к себе в комнату и снова легла на диван. Она слышала, как Елена прикурила сигарету, а потом на кухне названивала Танюхе. Говорила негромко, но было понятно, что жалуется: заказ сорвался, мол, Вероника опять в грусти и печали, вот парни и ушли... Потом она пила кофе – Веронику не пригласила, – звонила дочке домой, снова курила.

А ещё через час началась работа. И этим клиентам было по барабану – старая, молодая, весёлая или не очень. Они хотели женское тело – они его получали.

Впрочем, были и такие, которые хотели поговорить. Не проблема. Почему бы и не поговорить. Но деньги впе-

рѣд. Дополнительная услуга – не вопрос, но сначала деньги.

Вероника работала на автомате. Следующий. Следующий. Прорвало их сегодня. А то сиднем сидели два дня...

«Елена довольная, наверное, неплохо срубили», – думала Вероника. Она уже выпила вина с одним из клиентов, и тоска отпустила, да и некогда.

Потом наступило затишье. Вероника, отдыхая, вдруг некстати вспомнила, как Настя, её подростковая дочка, однажды притащила в дом кота – лохматого, чёрного, голодного. Видимо, дачники оставили или сам потерялся. Кот наверняка породистый, уж сильно здоровый, и жил в квартире, к деревенской вольнице не привык. Это было видно. Но прижился, ещё подросток – собаки не надо.

Почему-то этот кот – Чернышом назвали – мужиков не любил. Зайдёт иногда сосед, дядь Коля. Так кот сначала просто рядом ходит, принюхивается. А потом орать начинает – выгоняет.

Как-то раз мать позвала подружку с мужем – помочь лестницу починить в погребе. Мужика оставили чинить, а сами в магазин пошли. Приходят, а Иваныч кричит: убирайте своего кота! Хотел во двор выйти, покурить, а кот не выпускает из дома. Вот смеху было...

Думы перешли на дочку. Вспомнила, что не позвонила Насте. Как она уроки сделала? Поела? Наверняка допоздна в Интернете просидела. Теперь только утром можно будет позвонить... Надо позвонить, а то опять в школу опоздает.

Вероника не хотела рожать – молодая ещё, погулять охота. Но срок был критический – врач уговорила, мол, детей потом может не быть, и мать хотела внучку, именно внучку, как будто знала, что девочка родится. Поняничиться ей хотелось, пока ещё силы были, увидеть продолжение рода, чувствовала, что долгая жизнь – не про неё написано.

Вероника родила. И Настя часто оставалась с бабушкой, пока её мать «исккала себя в этой жизни».

А в три часа ночи Веронике позвонила Танюха. Значит, придётся работать с постоянным клиентом.

– К тебе твой Недоласканный просится, – усмехаясь, сообщила она. – Принимать будешь?

– Буду, – коротко бросила Вероника, а про себя подумала: «Сегодня деньги к деньгам».

Этот клиент платил сначала двойную цену, а в последний свой приход заплатил втрое больше. Первый раз, когда его обслуживала, чуть не умерла от страха. Потом они с Еленой Премудрой прозвали его Недоласканным. Елена не хотела, чтобы Вероника продолжала с ним работать. Таких клиентов обычно записывают в чёрные списки, но... деньги. А ради них можно и потерпеть. Да и ходит он не часто – раз в месяц, а то и через два.

Вероника запомнила их первую встречу. Поступил заказ. Приехал мужчина, на вид лет сорок-сорок пять, маленького роста, плотного телосложения. Одет не бедно, но и особого богатства не наблюдалось. Сразу выбрал Веронику, и они пошли в её комнату, на диван. Отдал деньги, попросил раздеться и лечь. Смотрел на неё, но не тем, пожирающим, стекленеющим мужским взглядом. Он смотрел ласково, просяще. Потом начал её гладить. Тоже ласково, даже робко, едва касаясь кожи. Медленно скользя, погладил ноги. Одну, вторую.

Вероника начала постанывать, изображая страсть. Но клиент приложил палец к своим губам – видимо, хотел в тишине. Затем немного раздвинул её ноги и начал гладить с внутренней стороны. От ступни к бедру, чуть быстрее и больше нажимая. Погладил лобок, задержал на нём свою тёплую руку. Пальцем провёл по клитору, легонько помял его. Прошёлся языком по животу и припал к грудям. Немного сжал одну. Губами попробовал сосок, всё больше

втягивая его в рот, вращая языком. Не сильно. Тоже самое проделал с другой грудью.

Вероника начала шире раздвигать ноги, и тут он остановился и лёг головой на ее грудь, обхватив тело руками. Затих. И было в этом что-то детское, беззащитное. Вероника, повинувшись, скорее, материнскому инстинкту, начала гладить его по голове. Клиент некоторое время лежал не шевелясь, потом что-то пробормотал, приподнялся и неожиданно ударил Веронику по щеке. Вероника хотела закричать, но голос не слушался.

Дыхание клиента участилось. Он возбуждался. Его член тёрся о лобок, постепенно твердея. Ещё удар – и он входит и двигается, уже не останавливаясь. Ещё, ещё, ещё. Глубже, глубже...

Затем клиент замер и, выдохнув, лег рядом, успокаиваясь.

А немного погодя быстро оделся, достал ещё деньги, положил на диван и ушёл. Вероника не стала возмущаться. За двойную цену можно и потерпеть две-три пощёчины. Она тоже решила накопить хотя бы на комнату – не до старости же ей скитаться по чужим углам.

Но с каждым разом, чтобы возбудиться, Недоласканному нужно было бить сильнее и дольше. А без этого у него не получалось.

Последний раз он заплатил тройную цену, боясь, что Вероника откажет, как это делали до неё многие.

И вот сегодня он позвонил снова. «Но это уже точно в последний раз», – решила Вероника. В комнату заглянула Елена, она слышала звонок.

– Что, постоянный нарисовался?

– Ага, – как можно равнодушнее ответила Вероника. У неё клиентов сегодня было больше, и вообще её чаще выбирают. Но ни к чему, чтобы Елена завидовала. Всё-таки возраст есть возраст. И в этом Вероника не виновата. Ко-

нечно, у Елены пышные формы – и таких любят. Особенно кавказцы, но с ними редко кто связывается.

– Не чудик ли твой – Недоласканный? – Проницательности Елене Премудрой было не занимать.

Веронике ничего не оставалось, как подтвердить.

– Смотри, Вероника, покалечит. А мне инвалидки здесь не нужны, – подытожила Елена. Настроение у неё явно упало. Скорее всего, один из клиентов сегодня тягостный попался.

«А кому они нужны? – Вероника вздохнула. – Елена ещё не знает, что он тройную цену платит. Хотя с её-то опытом наверняка догадывается. Кто не рискует, тот, как говорится, не пьёт».

Они закурили, каждая думая о своём. Потом проветрили комнату, поменяли простыни.

– Я завтра постираю. А ты приди пораньше, поутюжишь, – уже миролюбиво сказала Елена.

– Хорошо.

– Голова чего-то разболелась. Пенталгин есть?

– Не помню. Надо в сумочке посмотреть, – ответила Вероника и пошла в свою комнату за таблеткой.

Елена приблизилась к окну, немного отодвинула штору и выглянула на улицу.

– Дождь бы пошел. Надоела уже эта жара, – сказала она и, усмехнувшись, добавила: – О! Твой подъехал. Сейчас поднимется... Эх-х, да ты взяла бы плётку, Вероника, и доласкала этого Недоласканного. Представь, он – тебя, а ты – его, он – тебя, а ты – его, и по жопе, по жопе! Глядишь, все и довольны. Нет, ты только представь: он – маленький толстый чмо – стоит на коленях, а ты – в костюме «Дерзкий Коп». Чёрная кожаная фуражка, чёрные туфли на шпильке, чёрные чулочки в сеточку и самое главное – плётка, чёрная, с двадцатью косичками. Оо-па! Оо-па! Хлесь, хлесь!

Елена живо изображала эротического копа, поднимая невидимую плетку и ставя ногу на воображаемую спину

Недоласканного, а Вероника смеялась, представляя не себя, а пышную Елену в этом костюме.

В самый разгар веселья раздался звонок в дверь.

– Иди сама открывай. Я на кухне кофейку попою.

Вероника открыла, и они моча, как всегда, отправились в её комнату. Так же молча он отдал деньги, разделся и долго гладил ее, пыхтя и сопя. У Вероники после выпитого вина началось что-то вроде похмелья – её потянуло в сон. А поглаживания Недоласканного только усиливали это желание.

Но вот он положил голову ей на грудь – так бы и уснули вместе, – сейчас полежит и начнёт.

Вероника напряглась, так легче переносить боль. Эх, надо было выпить побольше – пришла запоздавшая мысль.

Бить по щекам Недоласканный начал не сильно, потом, постепенно зверея, он стал наносить удары по дивану, по её телу, куда придётся, но член всё не твердел, не поднимался.

У Вероники пошла носом кровь. Но и запах, и вид крови не помог.

Тогда Недоласканный зарычал от бессилия и стал душить Веронику.

Она пыталась сопротивляться – извивалась и старалась сбросить его на пол.

Ей удалось ослабить его хватку и глотнуть воздуха, но он ударил её по голове и тут же снова вцепился в горло.

Вероника начала терять сознание. Всё поплыло перед глазами.

Дождь. Идёт дождь. Они с городским мальчишкой бегут, что-то крича, прыгая, размахивая руками. И это радостное возбуждение, это нечаянное касание рук волнует, рождает новое, неизведанное и манящее чувство – хочется бежать ещё и ещё.

Снова выглядывает солнце, а дождь всё сыплет и сыплет на них мелкими, сверкающими каплями.

Слепой дождь.